

П. В. Хондзинский, протоиерей

АРХИЕПИСКОП НИКАНОР (БРОВКОВИЧ)
МЕЖДУ А. С. ПУШКИНЫМ И Л. Н. ТОЛСТЫМ

Резюме

Пушкинские торжества 1880 г. не только стали знаковым событием для образованного общества, но и вызвали отклик в церковной среде. При этом главная проблема, с которой столкнулись проповедники, заключалась в необходимости примирить восхищение национальным гением и носителем русской «всечеловеческой» идеи с очевидными отступлениями поэта от норм христианской морали. В этой ситуации большинство авторов стремились сосредоточиться скорее на первой, чем на второй теме. Явным диссонансом к такому подходу прозвучала проповедь архиеп. Никанора (Бровковича) в 50-летнюю годовщину смерти поэта, в которой он, признавая значение Пушкина для русской культуры, в то же время подчеркнул греховность его жизни. Однако подход архиеп. Никанора обнаружил свою уязвимость уже через три года, когда, выступив с критикой толстовского культурного нигилизма, он вынужден был опереться на культурное значение Пушкина. Такое переплетение позиций и идей позволяет поставить вопрос о непростом становлении богословия культуры в последние десятилетия XIX в., невольным толчком к которому послужила Пушкинская речь Достоевского.

Ключевые слова: Пушкинская речь Достоевского, архиеп. Никанор (Бровкович), А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, «Крейцера соната», богословие культуры

Pavel V. Khondzinskii, archpriest

ARCHBISHOP NIKANOR BROVKOVICH
BETWEEN ALEXANDER PUSHKIN AND LEO TOLSTOY

Abstract

The Pushkin celebrations of 1880 not only became a milestone for the educated secular circles in Russia but also evoked a noticeable response in the Russian church milieu. For preachers, however, it turned out to be difficult to reconcile the admiration for the national

© П. В. Хондзинский, протоиерей, 2024

genius and bearer of the Russian "all-human" idea with the poet's obvious deviations from the norms of Christian morality in his private life and works. While most authors tended to focus on the former rather than the latter aspect, Archbishop Nikanor (Brovkovich) developed a different approach. In his sermon on the 50th anniversary of the poet's death, the archbishop recognized Pushkin's importance for Russian culture but also emphasized the sinfulness of the poet's life. Three years later, however, when Archbishop Nikanor attacked Leo Tolstoy's cultural nihilism, this approach to Pushkin proved to be a problem because the archbishop had to appeal to the poet's cultural significance. This intertwinement of positions and ideas allows us to raise the question of the formation of the theology of culture in the last decades of the 19th century, which was unintentionally inspired by Dostoevsky's Pushkin Speech.

Keywords: Pushkin Speech by Dostoevsky, Archbishop Nikanor Brovkovich, Alexander Pushkin, Leo Tolstoy, theology of culture, The Kreutzer Sonata

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-30-42

Хотя классической проблемой для русской мысли можно считать тему «Достоевский и Толстой», на тему «Толстой и Пушкин» тоже сказано немало¹. При этом мне не удалось найти исследований, касавшихся этой темы в связи с наследием известного церковного деятеля второй половины XIX в. архиеп. Никанора (Бровковича) (1826–1890)², — между тем он достаточно подробно высказывался в своих сочинениях об обоих гениях русской литературы. Особенно интересной представляется его позиция в контексте ставшей перед Церковью в пореформенный период необходимости сформулировать свое отношение к национальной культуре в связи как с ее небывало возросшим общественным значением, так и с критикой ее в поздних сочинениях того же Толстого.

1

В 1887 г. владыка Никанор произносит слово на панихиде в день 50-летней годовщины со дня смерти поэта, совпавшей, очевидно, в том году с неделей о блудном сыне, что и обыгрывается автором. Позднее оно было дополнено для печати и, вероятно, в своих документальных подробностях опиралось на речь профессора словесности Санкт-Петербургской духовной академии Вл. Вас. Никольского «Идеалы Пушкина», произнесенную в актовый день 1882 г. Толчком к произнесению речи Никольского послужили недавние пушкинские торжества 1880 г. — во всяком случае, с упоминания о том, что

¹ См., например: [Эйхенбаум; Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин; Чубуков].

² Наследие самого архиеп. Никанора на сегодняшний день исследовано мало. Можно назвать только одно серьезное исследование: [Соловьев], — однако и там проблематика предлагаемой статьи практически не раскрывается.

они свидетельствуют о возросшем народном самосознании, начинается речь [Никольский, с. 488].

Архиеп. Никанор, правда, нигде прямо на речь не ссылается, но, судя по всему, она была ему знакома. Во всяком случае, он обыгрывает в своем слове те же эпизоды из жизни Пушкина, что и Никольский (например, историю про носившего тайком крест Байрона или про общение Пушкина в Одессе с атеистом У. Хатчинсоном (Гутчинсоном), ставшим позднее верующим пастором). Одновременно архиеп. Никанор производит явную переоценку ценностей. Она вытекает из начальной посылки его слова. Согласно ей, христиане должны брать пример с египтян, которые «по смерти каждого, особенно же важного влиятельного лица, обсуждали его дела особым трибуналом судей жрецов» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 4]. Если уже, вспоминая апостолов, мы считаем возможным прямо сказать об их грехах, то тем более это необходимо в день пушкинского юбилея, когда «во всех концах России будут прославлять его и только прославлять» [Там же, с. 5].

Проф. Никольский рассматривает жизненный путь Пушкина как путь восхождения к истинам христианства, что стало возможно благодаря его неустанному творческому труду: «Семья, общество, жизнь — наложили на его светлую чистую душу свой рисунок незаконный, но силой упорного труда могучей деятельностью своего духа, он сбросил ветхую чешую чуждых красок и блеснул красотой первоначальных, чистых видений в созданиях своего гения» [Никольский, с. 537].

Архиеп. Никанор усиленно подчеркивает греховность Пушкина, который, несомненно, и погубил бы свою душу, если бы не спасительный приговор Провидения, пославшего ему «бедственную кончину», ведь только тогда он, подобно евангельскому разбойнику, умирая в муках на кресте, «воззвал к милосердию Отца Небесного решительным гласом блудного сына: Отче! Согреших на небо и пред Тобою» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 36³].

Проф. Никольский указывает, что гений поэта преображает автобиографические черты его стихов в общечеловеческие⁴. Архиеп. Никанор видит

³ Ср.: «Он чувствовал за собой гибель неминуемую (...) Душа поэта уже крепко завязла в когти греха, из которых сам собою вырваться он был бессилен. Нужен был сильный удар со стороны спасительного Провидения, чтоб исторгнуть эту великую душу от конечного растерзания» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 23].

⁴ «(Пушкин работал над стихотворением), пока все частное, личное, случайное не растворялось в той поэтической всеобщности, в которой оно переставало быть событием чьей-либо единоличной жизни» [Никольский, с. 494].

в этом проявление внутреннего бесстыдства⁵, по сравнению с которым более целомудренными выглядят даже языческие поэты [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889].

Если Никольский усматривает тайну «силы и величия» образа Татьяны в ее уважении к святости брачного союза [Никольский, с. 514], то архиеп. Никанор возражает: «Не говорите о высокой нравственности даже известного Пушкинского идеала женщины: бедная, жалости сердца достойная! Состоя в супружестве, она всею душою, сердцем и помыслами принадлежит предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа верность только внешнюю, о которой сама отзывается с очень малым уважением, чуть не с пренебрежением. Где же тут высоконравственный христианский брак, слияние двух существ в единую плоть и душу, в единого человека» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 8]. Она не заслуживает иного имени, чем «полудобродетельная» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 10].

Если Никольский считает, что Пушкин народным поэтом стал не потому, что слушал в детстве няинины сказки, а потому, что угадал предназначение России и понял, что «это предназначение она может выполнить, только оставаясь сама собой, только следуя тем путем, который предначертан ее предыдущей историей» [Никольский, с. 521], то архиеп. Никанор, не отрицая того, что «стоя на грани исполнившегося тысячелетия русской истории, он (Пушкин) был произведением всего прошедшего России» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 37], в то же время усваивает именно ему, как увидим ниже, начало отклонения «народного духа» от его исконного пути.

Вспоминает владыка Никанор и речь Достоевского на открытии памятника Пушкину: «Достоевский изрек, что был он всечеловек, мы же скажем пока, что был он двойственный человек, плотской душевный и духовный. Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одаренного духа» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 15], однако эта одаренность, увы, не мешала тому, что «действительно, грех гнался за ним по пятам его, как лев» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 25] и непременно растерзал бы его, если бы не «глупая пуля, пущенная не особенно мудрою и потому не дрогнувшею рукою» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 4]. Поразив «гордого и в эту минуту своим упорством мудреца», это роковое событие,

⁵ «Любимейший сын неба, высокоодаренный поэт не только нечисто мыслил и чувствовал, но и поступал, и не только поступал, мыслил и чувствовал, но и высказывал свои мысли и чувства, стремления и поступки прелестными стихами. Все изумились этой прелести и извинили, а извинив и пристрастились к ней. И как мы низко упали к нашему времени, далеко ниже древлеязыческого мира!» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 8].

в конечном счете, послужило тому, что Пушкин, хотя «жил полу-христианином и полу-язычником (...) умер христианином, примиренным со Христом и церковью» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 36].

В итоге, будучи «величайшей славой нашего отечества», заключая в себе «настоящее и будущее всемирное влияние русского гения и русского духа» [Там же], Пушкин одновременно нуждается в наших молитвах, чтобы «не отяготел над ним небесный приговор, напроороченный подобным ему еще при жизни на земле народным же нашим поэтом Крыловым» [Там же, с. 38]⁶. Но надо нам помолиться не только о нем, но и о себе, «чтобы с его примера не разливался между нами языческий культ» [Там же]. Ведь если до Пушкина крупнейшие наши писатели (Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский) были христиане, то с него, наоборот, начинается иная эпоха: «Лучшие писатели стали прямо и открыто совращаться в язычество, каковы Белинский, Тургенев, граф Лев Толстой. Литература и так называемая наука во многом, в конечных выводах, становятся языческими; нравы также. Разврат становится догматом и принципом. Религия в интеллигентном круге из житейского обихода исключается. Даровитейшие самые модные из писателей вызывают к общественному перевороту. Самоубийство распространяется, как язва, как эпидемия. Самоубийцы открыто и торжественно фетируются, как доблестные подвижники, самоотверженные исполнители гражданского и нравственного долга. (...) Помолимся, да сгонит Господь эту тучу умственного омрачения, нагнанную отчасти и предосудительным примером поэта» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 38–39].

⁶ Имеется в виду басня И. А. Крылова «Сочинитель и разбойник», полностью приведенная архиеп. Никанором в подстрочном примечании к тексту. В ней сочинитель, возмущавшийся тем, что терпит те же адские муки, что и разбойник, слышит отповедь Мегеры:

Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облек
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до гибели доведена тобой!
В ней каждой капли слез и крови — ты виной.
И смел ты на судьбу хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
От книг твоих на свете зол!
Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!

[Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 41]

2

В 1890 г. выходит повесть Л. Н. Толстого «Крейцера соната», содержащая в себе, как известно, достаточно резкую критику состояния современного искусства в его отношении к женщине. «Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть орудие наслаждения <...> И заметьте хитрость дьявола: ну, наслаждение, удовольствие, так как бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину. Одни уступают ей место, поднимают ей платки; другие признают ее права на занятие всех должностей, на участие в правлении и т. д. Это все делают, а взгляд на нее все тот же. Она орудие наслаждения» [Толстой 1933, с. 37] — вот ключевое место в интересующем нас отношении.

В том же году, как непосредственный отклик на повесть архиеп. Никанор составляет беседу «О христианском супружестве», включенную в сборник «Восемь бесед: Против графа Льва Толстого» (1891). Беседа посвящена преимущественно именно «Крейцеровой сонате», и в ней мы находим приведенную выше цитату, но чуть измененную: «В образованном мире существует разделяемый всеми взгляд, что женщина дает мужчине наслаждение. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с Пушкина и голых Венер и Фрин. Хитрость дьявола: ну гадость — так так бы и знать, что гадость. Нет, сначала рыцари уверяют, что боготворят женщину; теперь же уверяют, что уважают женщину, уступают ей места, поднимают платки, признают ее права на занятие всех должностей, на участие даже в правлении. А взгляд на нее все тот же, — она орудие наслаждения» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 142].

На первый вопрос, который здесь возникает, — откуда в цитате взялось имя Пушкина, — ответ найти нетрудно. Очевидно, вл. Никанор пользовался одним из литографированных вариантов «Сонаты», где Пушкин действительно упоминается, и даже еще более резко: «Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с ножек Пушкина и голых Венер и Фрин» [Толстой 1933, с. 310].

Следующий вопрос: только ли в цитате из Толстого встречаем мы в «Беседах» имя поэта? Оказывается, что нет. Впервые Пушкин упоминается еще в шестой беседе, где владыка Никанор сетует на то, что, кроме «общепризнанного гения поэта Пушкина», из числа всех великих русских писателей только Толстой удостоивается от современной интеллигенции «высокопочтительных»

имен «наш великий учитель, наш гениальный художник, гениальный поэт», между тем как гораздо более был бы достоин его Достоевский [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 139]. Но и в тексте беседы о браке имя Пушкина также еще встречается несколько раз. Обращаясь к своим слушателям, владыка задается рядом риторических вопросов:

«Отвечайте, правда ли, будто любовь между женихом и невестой, между мужем и женой есть пакость, во имя которой мужчина губит половину рода человеческого, да и все человечество? (...) Правда ли, что вся поэзия, вся живопись, вся скульптура, начиная с Пушкина, есть гадость? Будто вздор, неправду говорят, что музыка действует возвышающим душу образом?» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 163] — и отвечает: «Думаю, немного найдется таких, которые ответили бы на поставленные вопросы, на общие резкие положения графа Толстого: да, так, это правда» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 164]. А раз это неправда, то неправомерно и отрицание Толстым «„всеї“, буквально „всеї“ поэзии, скульптуры, живописи, музыки, „начиная с Пушкина“ и серьезнейшего из музыкальных творцов Бетховена», и его желание, «чтобы человечество отвергло с Пушкиным всех мировых поэтов, Вальтера Скотта, Гете, Шекспира, а конечно, и древнего Гомера», ведь «даже у Гомера и Вергилия, еще больше у Шекспира и Вальтера Скотта, у Шиллера и Гете, у Диккенса и Теккерея, у наших Пушкина (Капитанская дочка) и Гоголя (Старосветские помещики), Тургенева (Дворянское гнездо) и Достоевского (Преступление и наказание и проч.)» мы можем найти множество «трогательнейших поэтических образов любви, верности, самоотвержения в соотношениях двух полов» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 175–176].

3

Владыка Никанор скончался в том же 1890 г., и «Беседы» вышли уже посмертным изданием. Однако сам Лев Николаевич продолжал размышлять о негативной роли культуры, и для дальнейшего нам важно привести по меньшей мере два его высказывания. Первое, в котором он говорит о ложном и истинном предназначении художника, находится в его известном «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана», вышедшем в 1894 г. Разбирая одно за другим сочинения Мопассана и высоко оценивая его литературный талант, Толстой в заключение переходит к некоторым обобщениям.

Удивительное свойство истинного таланта заключается в том, что он заставляет своего обладателя невольно «любить то, что достойно любви, и ненавидеть то, что достойно ненависти». Ведь художник на то и художник, что «видит предметы не так, как он хочет их видеть, а так, как они есть» [Толстой

1951b, с. 20]. Но если под влиянием среды художник начнет описывать то, что описывать не должно, с ним случится то же, что случилось с библейским Валаамом, который благословлял то, что хотел проклясть, и, наоборот, проклинал то, что хотел благословить. «И это случилось с Мопассаном» [Там же]. Мопассан, по мнению Толстого, приходит к пониманию той неправды и того противоречия, которые присущи половой любви, в чем и заключается его «могучий нравственный рост». Его мучает духовное одиночество, которое становится тем ощутимее, «чем теснее сближение телесное». И на самом деле, сам не сознавая этого, он рвется к любви истинной, чистой, «божеской», «мучительно рвется... из тех пут, которыми он чувствует себя связанным» [Толстой 1951b, с. 22]. Таким образом, «трагизм жизни Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безнравственности среде, он силою своего таланта, того необыкновенного света, который был в нем, выбивался из мировоззрений этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, истратив на эту борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освободившись» [Там же].

Кроме того, в трактате «Что такое искусство» мы находим характерное упоминание о Пушкине и связанных с его памятью датах. Приведу это важное место целиком.

«Когда вышли пятьдесят лет после смерти Пушкина и одновременно распространились в народе его дешевые сочинения и ему поставили в Москве памятник, я получил больше десяти писем от разных крестьян с вопросами о том, почему так возвеличили Пушкина? На днях еще заходил ко мне из Саратова грамотный мещанин, очевидно сошедший с ума на этом вопросе и идущий в Москву для того, чтобы обличать духовенство за то, что оно содействовало постановке „монамента“ господину Пушкину. В самом деле, надо только представить себе положение такого человека из народа, когда он походящим до него газетам и слухам узнает, что в России духовенство, начальство, все лучшие люди России с торжеством открывают памятник великому человеку, благодетелю, славе России — Пушкину, про которого он до сих пор ничего не слышал. Со всех сторон он читает или слышит об этом и полагает, что если воздаются такие почести человеку, то, вероятно, человек этот сделал что-нибудь необыкновенное, или сильное, или доброе. Он старается узнать, кто был Пушкин, и, узнав, что Пушкин не был богатырь или полководец, но был частный человек и писатель, он делает заключение о том, что Пушкин должен был быть святой человек и учитель добра, и торопится прочесть или услышать его жизнь и сочинения. Но каково же должно быть его недоумение, когда он узнает, что Пушкин был человек больше чем легких нравов, что

умер он на дуэли, т. е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные» [Толстой 1951а, с. 170–171].

Следствием же этого является то, что, сталкиваясь с противоречием между красотой и добром, люди, особенно представители высших классов, «вместо того, чтобы признавать, как оно и есть, искусство, которому они служат, делом отсталым, признают нравственность делом отсталым, не могущим иметь значения для людей, находящихся на той степени высоты развития, на которой они мнят себя находящимися» [Толстой 1951а, с. 172].

Остановившись на этой характеристике, данной одним великим писателем другому, вернемся теперь снова к церковным писателям и посмотрим, в каком направлении развивались их взгляды на интересующую нас проблему, в связи уже со столетним юбилеем поэта.

4

Последние в уходящем XIX в. пушкинские торжества тем более не могли пройти не замеченными Церковью. Кроме того, в них принимает участие уже следующее поколение проповедников. В этой связи следует упомянуть по меньшей мере владыку Антония (Храповицкого), также апеллирующего к Достоевскому [Антоний (Храповицкий), митр. 1900, с. 312] и Никольскому [Антоний (Храповицкий), митр. 2006, с. 178], и сщмч. Иоанна Восторгова, вступившего в скрытую полемику с архиеп. Никанором.

Первый подчеркивает, что Пушкин раскрывает внутренний мир своих героев таким образом, что все они «как бы... ни были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а сострадание» [Антоний (Храповицкий), митр. 1900, с. 313], и эта способность пробуждать сострадательную любовь в читателе принадлежит к уникальным особенностям пушкинского гения. Народность же Пушкина заключается в осознании им «нравственной силы» народного быта и готовности «работать для этой силы» [Там же, с. 327], поэтому можно надеяться, что рано или поздно любовь общества к русской поэзии, проповедующей христианские идеалы, поможет нам вернуться ко Христу [Там же, с. 328–329].

Второй решительно выступает против авторов, которые «с рвением, достойным лучшего дела, обходя в поэте вечное и достойное, а часто и не зная, и не умея понять этого вечного, с особенным наслаждением подчеркивали его слабости и недостатки, с непонятной радостью утверждали, что поэт был и ненадежным христианином, и ненадежным сыном отечества» [Иоанн Восторгов, прот., с. 269]. В Пушкине все было проникнуто поэзией, и любое движение души «выливалось в слово» [Иоанн Восторгов, прот., с. 272]. Отсюда

легкомысленность его ранних стихов, которая, однако, со временем уходит, замещаясь «возвышенным религиозным настроением» [Иоанн Восторгов, прот., с. 271]. В конечном счете можно сказать, что он служил вечному. «Пусть же в памяти нашей сохранится из жизни и деятельности поэта только то, что по существу своему достойно вечности: не слабости, увлечения и падения, а то, в чем выражается вечная нравственная природа духа» [Иоанн Восторгов, прот., с. 286].

Таким образом, мы видим, что побочным следствием пушкинских торжеств для церковных авторов становится непростой вопрос, как с церковной точки зрения возможно оценить личность и наследие Пушкина: с одной стороны — почти мессианского символа России, с другой — очевидно, немощного и грешного человека. В результате по меньшей мере двое из них (Никольский и Храповицкий) строят свою апологию Пушкина на том, что оправданием поэту служит творчество, преображающее его самого и пробуждающее в других сострадание к ближним.

На этом фоне позиция архиеп. Никанора выглядит особенно контрастно. Строго судя Пушкина, он возлагает на него вину и за дальнейшее «неправильное» развитие русской культуры и даже сравнивает его с сочинителем из басни Крылова.

Но «казус архиеп. Никанора» осложняется его высказываниями о культуре в связи с «Крейцеровой сонатой» Толстого. На первый взгляд, сопоставляя мысли о культуре архиеп. Никанора и Л. Н. Толстого, мы могли бы предположить, что они должны находиться, так сказать, в параллельных пространствах. Архиепископ Никанор, безусловно, считал себя выразителем церковной точки зрения. Л. Н. Толстой, напротив, к тому времени был уже известен как резкий противник Церкви. Кроме того, если архиеп. Никанор читал антицерковные сочинения Толстого (написанные до 1890 г., во всяком случае), то его собственное наследие оставалось, по всей видимости, писателю неизвестным.

Однако, сравнивая рассмотренные нами тексты, мы видим, что в области культуры как антагонисты они выступают только в 1890 г., когда Толстой публикует «Крейцерову сонату», а владыка Никанор выступает с ее критикой. Между тем как взгляды на назначение художника и художественного творчества у Толстого в его статьях об искусстве 1890-х гг. и архиеп. Никанора в его слове памяти Пушкина 1887 г. *сходятся*, — сходятся не только в теории, но и на практике. Характеристика Пушкина, высказанная Толстым в трактате «Что такое искусство», мало чем отличается от характеристики поэта, данной ему архиеп. Никанором, точно так же как путь Мопассана в изображении Толстого очень напоминает путь Пушкина в изображении архиеп. Никанора,

с некоторым различием в концовке: Мопассан не успевает повернуть в нужную сторону, а Пушкин в самый последний момент (и то не по своей воле) успевает.

Займствование, безусловно, исключается. А кроме того, очевидно, что Толстой действует в этом отношении гораздо более последовательно, чем владыка Никанор. Последний, в 1887 г. выступив в качестве обвинителя на «египетском суде» над Пушкиным, в 1890-м вынужден стать его адвокатом в борьбе с культурным и социальным нигилизмом Толстого. Неизвестно, осознал ли сам владыка Никанор этот достаточно резкий поворот, или он был скорее чисто ситуативным. Последовавшая в том же году смерть владыки затрудняет возможность ответа на этот вопрос. Но как бы то ни было, обнаруженные нами парадоксальные «борьба и единство противоположностей» понуждают нас обратиться уже к другим, более общим соображениям.

1. Очевидно, что проблема взаимоотношений христианства со светской культурой, сама по себе уходящая в эпоху кризиса средневекового сознания, обостряется в России после великих реформ 1860-х гг.

2. Это обострение является следствием не только возрастающей открытости русского пореформенного общества, в котором прежде не обсуждавшаяся позиция Церкви становится поводом для критики и резких споров, но и повсеместным успехом славянофильских идей. Восторженное восприятие идей Хомякова в богословской среде не случайно совпадает со всё возрастающим значением, которое придается национальной культуре в обществе и с которым, по-видимому, приходится теперь считаться и церковным авторам. Особой же вехой на этом пути можно считать пушкинские торжества и речь Достоевского, после которой «не замечать» культуру стало просто невозможно.

3. С этой точки зрения двойственность позиции архиеп. Никанора достаточно показательна. Желая, по-видимому, резкой критикой Пушкина напомнить обществу о том, что вечные ценности христианства превосходят любые относительные, в том числе культурные, ценности, в определенный момент он вынужден «опереться» на Пушкина в борьбе с более грозным противником, выступающим одновременно и против Церкви, и против культуры.

4. При этом совпадение нравственных оценок явлений культуры, высказанных владыкой Никанором и Л. Н. Толстым, также показательно. Отчасти оно объясняет успех евангельской проповеди Толстого, при всем ее антицерковном пафосе.

5. Наконец, «возвращаясь к истокам», следует указать на парадоксальное в этом смысле значение Пушкинской речи Достоевского. С одной стороны, она явно усилила «позиции» литературы, а с другой — понудила церковных авторов задуматься над возможными основаниями богословия культуры или

уж, по крайней мере, искать для нее оправдания. А как хорошо известно, от оправдания до спасения — один шаг, хотя и не очень простой.

Литература

- Антоний (Храповицкий), митр. 1900 — *Антоний (Храповицкий), митр.* Слово перед панихидой о Пушкине // Антоний (Храповицкий), митр. Полн. собр. соч.: В 3 т. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1900. Т. 1. С. 311–329.
- Антоний (Храповицкий), митр. 2006 — *Антоний (Храповицкий), митр.* Пушкин как нравственная личность и православный христианин // Антоний (Храповицкий), митр. Молитва русской души. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 173–188.
- Иоанн Восторгов, прот. — *Иоанн Восторгов, прот.* Памяти А. С. Пушкина: Вечное в творчестве поэта // Иоанн Восторгов, прот. Полн. собр. соч.: В 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 1. С. 266–286.
- Никанор (Бровкович), архиеп. 1889 — *Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа в неделю блудного сына при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина) по истечении пятидесятилетия по смерти его. 2-е изд. М.: Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря, 1889. 42 с.
- Никанор (Бровкович), архиеп. 1891 — *Никанор (Бровкович), архиеп.* Восемь бесед: Против графа Льва Толстого / Изд. наследников. Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1891. [4], 231 с.
- Никольский — *Никольский В. В.* Идеалы Пушкина // Христианское чтение. 1882. № 3–4. С. 487–537.
- Соловьев — *Соловьев А. П.* «Согласить философию с православной религией»: Идею наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: Изд. Словоохотов А. А., 2015. 440 с.
- Толстой 1933 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд-во, 1933. Т. 27. XI, 766 с.
- Толстой 1951a — *Толстой Л. Н.* Что такое искусство (1897–1898) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд-во, 1951. Т. 30. С. 27–195.
- Толстой 1951b — *Толстой Л. Н.* Предисловие к сочинениям Гюи Де Мопассана (1893–1894) // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд-во, 1951. Т. 30. С. 3–24.
- Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин — Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб: Материалы XXV Междунар. Толстовских чтений. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1999. 320 с.
- Чубуков — *Чубуков В. В.* Пушкин и Толстой: «Академические» загадки биографий. М.: Этерна, 2019. 96 с.
- Эйхенбаум — *Эйхенбаум Б. М.* Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. Л.: Худож. лит., 1969. С. 167–184.

References

- Antonii (Khrapovitskii), mitropolit (1900). 'Slovo pered panikhidoi o Pushkine', in: Antonii (Khrapovitskii), mitropolit. *Polnoe sobranie sochinenii*. 3 vols. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. Vol. 1, 311–329.
- Antonii (Khrapovitskii), mitropolit (2006). 'Pushkin kak нравstvennaya lichnost i pravoslavnyi khristianin', in: Antonii (Khrapovitskii), mitropolit. *Molitva russkoi dushi*. Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 173–188.

- Chubukov, V. V. (2019). *Pushkin i Tolstoi. «Akademicheskie» zagadki biografii*. Moscow: Eterna, 96 p.
- Eikhenbaum, B. M. (1969). 'Pushkin i Tolstoi', in: Eikhenbaum, B. M. *O proze: Sbornik statei*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 167–184.
- Ioann Vostorgov, protoierei (1995). 'Pamyati A. S. Pushkina. Vechnoe v tvorchestve poeta', in: Ioann Vostorgov, protoierei. *Polnoe sobranie sochinenii*. 5 vols. Saint Peterburg: Tsarskoe delo. Vol. 1, 266–286.
- Nikanor (Brovkovich), arkhiepiskop (1889). *Beseda v nedelyu bludnogo syna pri pominovenii raba Bozhiya Aleksandra (poeta Pushkina) po istecheniyu pyatidesyatiletiya po smerti ego*. Moscow: Izdanie Afonskogo russkogo Panteleimonova monastyrya, 42 p.
- Nikanor (Brovkovich), arkhiepiskop (1891). *Vosem' besed. Protiv grafa L'va Tolstogo*. Izdanie naslednikov. Odessa: Tipografiya E. I. Fesenko, 231 p.
- Nicol'skii, V. V. (1882). 'Idealy Pushkina', *Khristianskoe chtenie*, 3–4, 487–537.
- Solov'ev, A. P. (2015). «Soglasit' filosofiyu s pravoslavnoi religiei». *Ideinoe nasledie arkhiepiskopa Nikanora (Brovkovicha) v istorii russkoi mysli XIX–XX vekov*. Ufa: Slovokhotov A. A., 440 p.
- Tolstoi, L. N. (1933, 1951). *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 27, XI, 766 p.; Vol. 30, XXVIII, 606 p.
- L. N. Tolstoi i A. S. Pushkin: *soprichastnost' idei, obrazov, sudeb: Materialy XXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii*. (1999). Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni L. N. Tolstogo, 320 p.